

РЕФОРМА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И РЕАЛИИ

М.Г. Фролов

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск

В статье исследованы концептуальные подходы российского законодателя к проблеме реформирования уголовно-исполнительной системы, дан анализ критериев, используемых для оценки результатов деятельности учреждений, исполняющих наказания, связанных с изоляцией от общества. На основе исследования отечественной и зарубежной практики в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы внесены предложения по совершенствованию механизма пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, преступление, наказание, лишение свободы, рецидив преступлений, ресоциализация.*

Цели уголовно-исполнительного законодательства, закрепленные в ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), определяют желаемый результат правового регулирования в данной сфере общественных отношений – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами [1]. На достижение данных целей направлено решение взаимосвязанных задач (ч. 2 ст. 1 УИК РФ), в число которых входит оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Процесс подготовки к освобождению из мест лишения свободы, начинающийся за 6 месяцев до истечения срока наказания, детально урегулирован нормами УИК РФ и ведомственных нормативных актов, однако итоги реинтеграции осужденных в общество нельзя признать удовлетворительными: число преступлений, совершенных в рецидиве, на протяжении пяти лет занимает значимую долю: от 20 % (преступления небольшой тяжести) до 50 % (тяжкие преступления и особо тяжкие преступления).

Несомненно, что итоговый результат процесса ресоциализации зависит не только от эффективности деятельности правоохранительных органов (как пенитенциариев, так и полиции), но и общества в целом, так как процесс адаптации лица в условиях свободы во многом определяется созданием необходимых условий для бытового и трудового устройства, что не всегда соответствует социально-экономическому потенциалу региона.

Ориентация отечественного уголовно-исполнительного законодательства на международные стандарты обращения с заключенными потребовала проведения коренной перестройки

пенитенциарных учреждений, созданных в советский и досоветский периоды, а также создания структур для исполнения новых видов наказания – ограничения свободы, ареста, принудительных работ. Введение моратория на смертную казнь вызвало потребность в увеличении числа колоний особого режима, исполняющих наказание в виде пожизненного лишения свободы. Эти и ряд других задач, ориентированных на гуманизацию пенитенциарных отношений, планировалось реализовать в рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [2]. Однако в силу ряда объективных и субъективных причин кардинальные задачи перестройки уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) не были реализованы. В частности, не было осуществлено перепрофилирование исправительных колоний в тюрьмы, предусматривавшее замену коллективного («отрядного») содержания осужденных на покамерное, не были созданы учреждения для исполнения наказания в виде ареста, не были переоборудованы следственные изоляторы в соответствии с современными международными стандартами содержания лиц, задержанных и заключенных под стражу. На 2020 г. доля режимных корпусов СИЗО, имеющих срок эксплуатации более 100 лет, составила 19,2 %, а доля СИЗО, не соответствующих нормам отечественного уголовно-исполнительного законодательства, – 57,2 % [6]. Исполнение принудительных работ (введено законодателем в 2011 г.) начало реализовываться только с 2017 г. Факты коррупции в аппарате ФСИН и хищения бюджетных средств, выделенных на приобретение приборов электронного контроля за лицами, осужденным к ограничению свободы (уголовное дело в отношении А. Реймера, Н. Криволапова, В. Определенова, Н. Мартынова и др.), сказались на имидже службы [7]. Отсутствие должного обеспечения уголовно-исполнительных инспекций аппаратурой электронного мониторинга заметно снизило качество контроля соблюдения ограничений, установленных судом для лиц, осужденных к ограничению свободы.

Правительством РФ в 2016 г. была утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 гг.)». Одной из центральных задач, поставленных в данном документе, является приведение к международным стандартам условий содержания под стражей, которые в 22 регионах РФ не соответствовали международным стандартам [3]. Причем самым трудноустранимым нарушением международных норм содержания подследственных признавалось несоблюдение санитарных правил, касающихся площади, приходящейся на одного арестованного.

Значительный износ и аварийное состояние основных фондов УИС (СИЗО, ИК, ВК и пр.), построенных на рубеже XIX–XX вв., обусловил процессы их ликвидации и перераспределения спецконтингента по иным

пенитенциарным учреждениям, что не могло не привести к ухудшению условий отбывания наказания и, как следствие, к нарушению прав, свобод и законных интересов осужденных. Одновременно обнаружилась тенденция активизации движения «арестантское уголовное единство» (А.У.Е.), деятельность которого оказывает негативное влияние на процесс исправления и ресоциализации осужденных и является уголовно наказуемой в соответствии со ст. 282.1 Уголовного кодекса РФ. Переполнение мест лишения свободы затруднило организацию изоляции осужденных при возникновении угрозы их личной безопасности, так как единые помещения камерного типа (ЕПКТ), позволяющие обеспечить изоляцию осужденных, в настоящее время имеются только в 15 % субъектов РФ. Отсутствие необходимых площадей в пенитенциарных учреждениях не позволяет в полном объеме разместить лиц, нуждающихся в лечении (больных туберкулезом, наркоманией и алкоголизмом, ВИЧ-инфицированных, больных с двойной патологией и пр.) в соответствии с требованиями санитарно-гигиенических норм.

Вызывает определенный диссонанс закрепленная в ст. 103 УИК РФ обязанность осужденных к лишению свободы трудиться, невыполнение которой в соответствии с ч. 1 ст. 116 УИК РФ является злостным нарушением установленного порядка отбывания этого наказания. В то же время организация трудовой деятельности осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы в исправительных колониях особого режима, где труд может быть организован только в условиях специально оснащенных камер (ч. 1 ст. 127 УИК РФ), является затратным и фактически не реализуется на практике. В этой связи, по нашему мнению, обязанность трудиться в местах лишения свободы правомерно признать для лиц, которые должны возмещать ущерб, причиненный гражданам и государству, или имеют иные обязательства гражданско-правового характера. Более того, ориентация целей Концепции на дальнейшее расширение промышленного производства в местах лишения свободы, где износ производственного оборудования составляет до 75 % [3], в настоящее время нецелесообразно в связи с низкой конкурентоспособностью продукции. Представляется, что более прогрессивным является концепт привлечения к труду заключенных, реализуемый на протяжении нескольких десятилетий в Швеции, где законодательно установлено для всех лиц, отбывающих лишение свободы, право трудиться либо заниматься иной деятельностью в соответствии с интересами (хобби). При этом существующие предприятия в местах лишения свободы рассчитаны в основном на производство сельскохозяйственной продукции (выращивание овощей, животных сельскохозяйственного назначения и пр.), непосредственно потребляемой самими пенитенциарными учреждениями.

Для достижения целей, поставленных в Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы

(2017–2025 гг.)», распоряжением Правительства РФ № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» [4] был определен ряд задач. В частности, в основных направлениях совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы (раздел IV Концепции) обозначена задача создания и развития системы пробации. Разработанный в 2022 г. проект закона «О системе пробации в РФ» ориентирован на комплексный подход к профилактике преступлений и предусматривает различные варианты пробации (исполнительную, пенитенциарную и постпенитенциарную), нацеленные на ресоциализацию и снижение уровня рецидивной преступности. По замыслу разработчиков проекта, в системе Федеральной службы исполнения наказаний должны быть сформированы центры пробации, ведущие учет лиц, отбывших лишение свободы и принудительные работы. На данную структуру возлагаются функции сопровождения процесса адаптации, ресоциализации и реабилитации бывших осужденных. К числу мер пробации, предусмотренных законопроектом, отнесены не только помощь в трудоустройстве и бытовом устройстве, но и оказание психологической и медицинской помощи, информирование о месте проживания родственников, обеспечение продуктовым набором и одеждой при освобождении из пенитенциарного учреждения.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. просматривается отход от краеугольного принципа замены коллективной формы содержания осужденных на покамерную, закрепленного в Концепции 2010 г., что в условиях интенсивного распространения криминальной субкультуры в местах лишения свободы может затруднить решение задач ресоциализации и борьбы с рецидивом преступлений. Учитывая тот факт, что подростковая среда является благоприятной почвой для распространения криминальной субкультуры, негативно влияющей на процессы исправления и ресоциализации, нам представляется, что сохранение коллективной формы содержания несовершеннолетних в воспитательных колониях является существенным недостатком Концепции. Опыт европейских пенитенциариев показывает, что для несовершеннолетних и молодых преступников наиболее эффективным является сочетание коллективной формы занятости (обучения, профессиональной подготовки, трудовой деятельности, воспитательных мероприятий и пр.) с изоляцией (уединением) осужденных в ночное время в отдельных камерах, рассчитанных на 1–2 человек [8, с. 136]. Например, в тюрьме для несовершеннолетних города Хайнсберг (ФРГ) заключенный после вечернего приема пищи до подъема находится в отдельной камере, оборудованной минимальным набором мебели и принадлежностей (шкаф, кровать, стул, полка для книг, настольная лампа) и санитарно-гигиеническим оборудованием. Кроме того, во многих странах Европы

(Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия и др.) в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних использованы оригинальные подходы к организации воспитательного процесса. В частности, питание осужденных и сотрудников осуществляется совместно: в общей столовой предлагается единый набор блюд. Такой же принцип используется при организации спортивных турниров, где в одной команде могут принимать участие и осужденные, и сотрудники тюрьмы.

Достаточно удачной формой ресоциализации, по нашему мнению, является предоставление заключенным, отбывающим наказание в тюрьмах открытого типа, возможности проведения выходных дней в семье (наличие пенитенциарного учреждения соответствующего профиля в регионе проживания осужденного сводит к минимуму затраты времени на проезд). Несомненно, что использование зарубежного опыта в современных российских условиях (в связи с отсутствием в каждом субъекте пенитенциарных учреждений для каждой категории осужденных) достаточно затруднительно. В этой связи разработка проекта исправительного учреждения объединенного типа, предусмотренного Концепцией развития УИС РФ на период до 2030 г., представляется важным этапом реформирования ресоциальной работы. Исправительные учреждения объединенного типа, создаваемые на региональном (межрегиональном) уровне, представляются универсальными платформами, позволяющими в пределах одного учреждения образовать корпуса для содержания подследственных и участки открытого типа для осужденных, имеющих право проживать за пределами учреждения. Кроме того, нам представляется, что для данной категории осужденных должно быть законодательно закреплено право выезда в выходные дни к семье, воспользоваться которым осужденный может при отсутствии нарушений режима. В качестве меры ресоциального характера в период подготовки к освобождению (в соответствии с ч. 1 ст. 180 УИК РФ – последние 6 месяцев срока наказания) может быть осуществлен перевод осужденных в отдельные камеры, обустроенные по принципу гостиницы экономкласса. Специалисты в сфере пенитенциарного права полагают, что для реализации комплекса ресоциальных мероприятий требуется более длительный период времени – до 1 года [9, с. 178]. Такой подход, по нашему мнению, позволит не только реализовать процесс плавной реинтеграции в общество лиц, отбывающих длительные сроки лишения свободы, но и исключить негативное влияние субкультурных факторов на стадии подготовки к освобождению.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.08.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.10.2010 г. № 1772-р «О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // РГ. 2010. 13 октября.
3. Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2016 г. № 2808-р О Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017 - 2025 годы)» // СПС «Гарант».
4. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 17.08.2020 № АКПИ20-514С [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/10730656> (дата обращения: 20.01.2023).
6. Куликов В. ФСИН построит в России 10 новых СИЗО на 10 тысяч мест: [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/01/24/fsin-postroit-v-rossii-10-novyh-sizo-na-985-tysiachi-mest.html> (дата обращения: 22.01.2023).
7. Почуев М. История уголовного дела экс-директора ФСИН Александра Реймера [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/7830481> (дата обращения: 22.01.2023).
8. Фролов М.Г. Опыт применения ювенальных технологий в Федеративной Республике Германия // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных статей / под общ. ред. д-ра юрид. наук Т.М. Лопатиной. Смоленск: Изд. СмолГУ, 2021. С. 133–137.
9. Южанин В.Е., Кириллов С.И., В.Ю. Бабунов. Раннее предупреждение постпенитенциарного рецидива преступлений (уголовно-правовой и уголовно-исполнительные аспекты). Коломна, 2011. 282 с.

Об авторе:

ФРОЛОВ Михаил Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Смоленского государственного университета (214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4), SPIN-код: 3237-5534, AuthorID: 742141, e-mail: michailfroloff@mail.ru

REFORM OF THE PENITENTIARY SYSTEM: CONCEPTUAL PROVISIONS AND REALITIES

M.G. Frolov

Smolensk State University, Smolensk

The article examines the conceptual approaches of the Russian legislator to the problem of reforming the penitentiary system, provides an analysis of the criteria used to assess the results of the activities of institutions executing punishments related to isolation from society. Based on the study of domestic and foreign practice in the field of execution of punishment in the form of

deprivation of liberty, proposals were made to improve the mechanism of penitentiary and post-penitentiary resocialization.

Keywords: *penitentiary system, crime, punishment, imprisonment, recidivism, resocialization.*

About author:

FROLOV Mikhail – PhD in Law, Docent, Associate Professor of Criminal Law and Criminal Procedure Smolensk State University (4 Przhivalsky St., Smolensk, 214000), SPIN-code: 3237-5534, AuthorID: 742141, e-mail: michailfroloff@mail.ru

Фролов М.Г. Реформа уголовно-исполнительной системы: концептуальные положения и реалии // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 3 (75). С. 65–71.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023 г.

Подписана в печать 27.09.2023 г.